

Мужчина в драконьем халате и золотом венце щеголял чистым, холёным лицом без намёка на бороду. И ростом, и чертами лица он на диво походил на Ян Тао. Секунду назад этот наглец громогласно распекал Вэй Линьсяня, но стоило ему завидеть дышащего чистой яростью Ян Е, как крики застряли у него в горле.

Ян Е даже не взглянул на него — сперва повернулся к Вэй Линьсяню:

— Где тот, кого я велел найти?

— Пощадите, маркиз, — Вэй Линьсянь поспешно склонился в поклоне. — Ваш слуга никчёмен. Мы перерыли каждый закуток во дворце, сверху донизу, но так его и не выследили.

Ян Е наградил его ледяным взглядом. Резко развернувшись, он сгрёб самозванца за ворот роскошного халата, вздёрнул на дыбы и зашипел прямо в лицо:

— Где Ян Тао? Говори!

Мужчину затрясло крупной дрожью. Увидев перед собой искажённое свирепой злобой лицо маркиза, он мигом растерял всю спесь:

— Его Величество... Его Величество ещё семь дней назад забрал императрицу с принцами и тайно покинул Лоян. Они уехали из города.

Голос пленника гнусавил — точь-в-точь как у человека, слёгшего с жестокой простудой.

Ян Е зловеще осклабился:

— Семь дней назад? Да вчера утром император самолично давал аудиенцию министрам! Так это ты восседал на троне? Решил сыграть роль Сына Неба? Хватило же у тебя, твари безродной, наглости!

Этот человек оказался обычным дворцовым евнухом из свиты Хэ Цинчуня, неотлучно прислуживавшим Ян Тао. Кое-какой жизненный опыт у него имелся, и, понимая, что из рук этого чудовища живым ему всё равно не выбраться, он вдруг обрёл горькую решимость.

— Ради спасения Его Величества, — выкрикнул он, собрав последние крохи мужества, — этот ничтожный раб пошёл бы на любое святотатство! Ну прикинулся я императором, и что с того?!

Вместо ответа Ян Е наотмашь влепил ему хлёсткую пощёчину. Удар вышел столь сокрушительным, что у бедолаги искры из глаз посыпались; он отлетел в сторону, завывая от боли. Но маркизу Хуайнань этого показалось мало. Обуреваемый бешеной злобой, он вырвал плетё из рук стоявшего рядом гвардейца и принялся нещадно осыпать евнуха ударами.

Кожа у того была тонкая, изнеженная — разве знал он прежде подобные истязания? Корчась в пыли, он катался по земле и истошно верещал. Вскоре крики сменились хрипами, а затем и вовсе перешли в едва слышный жалобный стон.

Вэй Линьсянь, наблюдавший за этой экзекуцией со стороны, затрепетал. Если маркиз в припадке ярости забудет до смерти единственного свидетеля, концы с концами потом не сойдутся.

— Пощадите его, господин, смените гнев на милость! — взмолился он, пытаясь перехватить занесённую руку. — Ещё один удар, и он испустит дух!

— Сам знаю, когда остановиться, не лезь под руку, — огрызнулся Ян Е.

Убедившись, что евнух едва дышит, он брезгливо отшвырнул окровавленную плеть, вновь вздёргнул бедолагу за ворот и зашипел:

— До меня доходили слухи, будто ваш император собирался стоять за Лоян насмерть. Какого хрена он передумал и трусливо сбежал? Говори!

Евнух лишь невнятно мычал, не в силах вымолвить ни слова. Ян Е велел принести ведро ледяной воды и вылил ему на голову. Окатив избитого холодной струёй, он повторил вопрос. Кое-как придя в себя, тот прохрипел:

— Этот раб... этот раб лишь прислуживал во внутренних покоях, государственные дела меня не касались... Но в столице в последнее время творилось неладное, точно злые духи попутали. Повсюду шептались о дурном предзнаменовании. Среди слуг втихомолку пели странную песню... Что-то про дракона... «Дракон...»

— «Песнь о драконе, уходящем на восток по течению»? — перебил его Ян Е и разразился хриплым, глумливым хохотом. — Так он всё-таки струсил?! А ведь петушился, кричал, что не верит во всякий бред! Ну и ну, Ян Тао! Сын Неба, грозный владыка... Я-то думал, у тебя наконец-то отросли яйца, а ты как был жалкой, дрожащей тварью, так им и остался!

Немного успокоившись, Ян Е нахмурился и спросил тише, но с явной угрозой в голосе:

— Отвечай на второй вопрос. Говорят, не так давно во дворец доставили Лин Шу, левого заместителя судьи Верховного суда. Куда он делся? Ян Тао увёз его с собой или спрятал где-то в чертогах?

Пленник непрерывно стонал, задыхаясь от боли. Только когда Ян Е ощутимо потряхнул его, он едва слышно пролепетал:

— Заместитель судьи Лин?.. Его доставили во дворец уже израненным. Он был любимцем

императора, нас, простых слуг, к нему близко не подпускали... Позже... позже я лишь краем уха слышал, что на следующий же день господин Лин скончался от ран. Лекари оказались бессильны. Его Величество приказал управляющему Хэ тайно вывезти тело из дворца. И только через несколько дней после этого император покинул столицу... О-о-ох...

Евнух истошно взывал — пальцы Ян Е мёртвой хваткой впились в его плечо, едва не ломая кости.

— Врёшь, пададь! — рявкнул маркиз.

Он швырнул полуживое тело на холодные плиты пола и принялся мерить комнату шагами, точно запертый в клетке зверь. Ярость и растерянность душили его. Но глядя на бесчувственную, окровавленную тушу евнуха, он понимал: больше из него ничего не выбить.

В этот момент в покои, заламывая руки и смешно оттопырив мизинец, влетел насмерть перепуганный Бай Тинби:

— Маркиз! Беда! Там, на площади, помощник министра Цзин пытался уговорить чиновников присягнуть на верность князю Чжао. Но эти упрямцы подняли бунт! Стража не справляется, почтенные мужи лезут в драку! Только вы можете навести порядок, решите, как быть!

Обуреваемый злобой Ян Е окинул Сяо Бая презрительным взглядом:

— Не справляетесь? Ещё бы! Собрались два нежных бутона — ты да этот твой Цзин Хуайюй. Много вы своими девичьими ручками навоюете? Что, неужели среди этой придворной швали нашлись те, кому жизнь не мила? Прекрасно. Пойду взгляну на этих смертников!

Во время суматохи часть придворных империи Да Янь успела сбежать из города, других без разбору изрубили в уличных стычках, но большинство — в основном дряхлых книжников из гражданских министерств — солдаты согнали к подножию Зала Десяти Тысяч Образов. Стянув их в плотное кольцо, гвардейцы Ян Е рыскали по дворцовым переходам, подобно стае голодных волков.

В разгар этого ужаса перед растерянной толпой предстал Цзин Хуайюй. Стоило ему заговорить о покорности новой власти, как притихшие были чиновники взорвались яростью.

Первым вперёд выступил старый канцлер Ван, чей авторитет при дворе был непререкаем:

— Цзин Хуайюй! Подлая, двуличная гадина! Забыл, какими милостями осыпал тебя Его Величество? Когда ты успел продаться этим бунтовщикам?! И у тебя ещё хватает наглости стоять перед нами и раскрывать свой поганый рот?!

— Почтенный канцлер, — попытался оправдаться Цзин Хуайюй, пятясь назад под градом

проклятий. — Умный человек всегда выбирает сторону победителя. И прежний император, и князь Чжао — плоть от плоти императорского рода. Под чьей бы рукой ни остался престол Да Янь, править всё равно будут Яны. К чему эти пустые споры о верности? Подумайте лучше о своих семьях, о детях и внуках...

Договорить ему не дали. Старый канцлер Ван во главе разъярённой толпы бросился вперёд, готовый растерзать предателя голыми руками. Оскорбления градом посыпались на голову несчастного чиновника. Цзин Хуайюю наплевать было на брань, но умирать в его планы не входило. Увидев искажённые ненавистью лица вчерашних коллег, он едва не пустился наутёк. К счастью, Бай Тинби и Нянь Вэй вовремя среагировали: они бесцеремонно сгребли помощника министра Цзин в охапку и оттащили назад, скомандовав гвардейцам выставить заслон из копий.

Пока на площади царила невообразимая сумятица, со стороны Башни Пурпурного Сияния показался Ян Е. Он шёл стремительной, тяжёлой поступью во главе отряда закованных в броню латников, а за собой волок бездыханное тело в императорском одеянии.

Толпа ахнула. Несколько старых сановников в ужасе упали на колени:

— Ваше Величество!.. О небо, государь, что они с вами сделали...

Ян Е с размаху швырнул окровавленного калеку к ногам потрясённых вельмож:

— Разуйте глаза и посмотрите на своего ненаглядного владыку! Собрались поумирать за правое дело, да? Хотите остаться в хрониках верными слугами престола? Какая жалость! Ваша драгоценная икона сбежала из города неделю назад, подсунув вам вместо себя эту фальшивку! Кому вы тут клянётесь в верности, дурачье?! Кому?!

Маркиз безумно расхохотался. В следующее мгновение он с силой впечатал кованый сапог прямо в грудь лежащего евнуха. Наполненный внутренней силой удар раздробил рёбра; бедолага захлебнулся кровью и тут же испустил дух.

На площади воцарилась гробовая тишина. Оцепенелые чиновники переводили взгляд с трупа в императорском шёлке на хохочущего маркиза Хуайнань.

Наконец старый канцлер Ван, дрожа всем телом от гнева, выкрикнул:

— Пусть... пусть Его Величество покинул столицу! И правильно сделал! Он вернётся во главе карательного войска и вздёрнет вас, грязных мятежников, на крепостных воротах!

Ян Е медленно сощурился, его губы растянулись в хищной ухмылке:

— Старик... Ты сейчас кого мятежником назвал?

От ярости у канцлера тряслась седая борода:

— Тебя! Тебя, паршивый выродок императорского рода! Как земля носит такое чудовище? Да любые разбойники или степные дикари благороднее тебя, гнусный предатель!

Ян Е не вспыхнул. Напротив, он тихо, зловеще рассмеялся, ласково глядя на старика. Выхватив тяжёлый клинок из рук стоявшего рядом гвардейца, он молниеносным круговым движением рассёк воздух.

Брызнула тёмная кровь. Седая голова покатилась по брусчатке.

— Лаешь на меня? — пробормотал Ян Е, глядя на рухнувшее обезглавленное тело. — Что ж, ты сам выбрал смерть.

Он взмахнул окровавленной саблей, расчертив воздух с тяжёлым свистом:

— Из уважения к вашим сединам и годам службы престолу, я, подлый мятежник, дам вам последний выбор. Те, кто жаждет разделить участь канцлера и хранить верность беглому трусу Ян Тао — шагом марш налево! Те, кто готов признать власть князя Чжао — стоять на месте! Живее, ублюдки! У меня полно дел, некогда тут с вами нянчиться!

Его громовой рык заставил толпу оцепенеть. Даже самые преданные сторонники прежней династии, глядя на остывающее тело канцлера и лужу крови под ногами, не смели пошевелиться.

Видя их нерешительность, Ян Е брезгливо поморщился:

— Молчите? Значит, согласны. Чтобы с этого дня я больше не слышал имени Ян Тао. Завтра на рассвете, в час Дракона, всем явиться к Воротам Вечного Процветания. Будем встречать князя Чжао. Кто не придёт — пеняйте на себя. А кто подчинится — сохранит и чины, и жалованье.

Он с грохотом швырнул окровавленный клинок на камни площади и обернулся к подчинённым:

— Цзин Хуайюй, Вэй Линьсянь. Наведите здесь порядок. И продолжайте искать того, кого я велел. Линьсянь, если кто-то из этих умников всё же вздумает сделать шаг влево — режь без жалости, докладывать мне не нужно. И не смейте тащиться за мной. Мне нужно кое-что уладить.

Развернувшись, он зашагал прочь с площади.

Вэй Линьсянь покорно склонил голову и проводил маркиза взглядом. Как только тот скрылся за поворотом, он быстро повернулся к Бай Тинби:

— Сяо Бай, Нянь Вэй, живо за ним! На улицах чёрт-те что творится, да и стемнело уже. Если с маркизом что-то случится, нам всем не сносить головы!

Бай Тинби и остальные гвардейцы нерешительно двинулись следом. Но едва они успели пройти пару десятков шагов, как Ян Е уловил шорох шагов. Он резко обернулся и рявкнул:

— Назад, псы! Шаг сделаете — прибью!

Сяо Бай и Нянь Вэй испуганно замерли на месте, провожая глазами его удаляющуюся фигуру. Ян Е шёл в сторону Верховного суда.

В его душе ещё теплилась безумная надежда. Ян Е знал: у него осталась последняя ночь. Стоит завтра на рассвете Ян Си войти в город в качестве триумфатора, и устраивать облавы в поисках убийцы собственного брата станет невозможно — это привлечёт ненужное внимание и вызовет опасные подозрения у нового повелителя.

Сумерки сгустились над Лояном, укрыв безлунное небо тяжёлым чёрным саваном. Обычно в эти часы древняя столица расцветала тысячами весёлых огней, но сегодня город лежал во тьме — притихший, испуганный, пропахший гарью и кровью. Широкие проспекты были усеяны телами павших солдат. Гвардейцы генерала Юань Оумина споро стаскивали трупы в кучи и прочёсывали переулки в поисках уцелевших сторонников беглого императора. На перекрёстках стояли посты, выставленные Бэйчэнь Цином. Солдаты, завидев бредущего во мраке Ян Е, молча расступались и склоняли головы.

Здание Верховного суда давно заняли передовые отряды его собственной Армии Разорения Лояна (Полоцзюнь). Навстречу вышедшему из темноты командиру поспешно выбежал дежурный офицер. Ян Е понимал, что ищет иголку в стоге сена, но всё же приказал перерыть Далисы заново.

Обыск не дал ничего. В Небесной тюрьме (Тяньлао) были от страха запертые колодники, но того, кто был ему нужен, среди них не оказалось. Помрачнев ещё больше, Ян Е велел отвести его во внутренний двор, где под стражей держали братьев Дун.

Когда-то эти двое наводили ужас на всю столицу, будучи главными палачами Верховного суда. Теперь же Дун Чунь и Дун Гэ сами стояли на коленях в пыли, а у их шей холодели лезвия гвардейских сабель.

Ян Е долго всматривался в их осунувшиеся лица, а затем негромко спросил:

— За последнее время вы видели своего господина?

Дун Чунь забился лбом о землю:

— Пощадите, маркиз! Наш господин покинул Далисы на третий день после праздника Середины осени и с тех пор не возвращался. Позже до нас доходили смутные слухи, будто он тайно прибыл в императорский дворец, но был тяжело... тяжело ранен...

Ян Е тяжело вздохнул. Значит, всё случилось именно тогда.

— Отпустите их, — небрежно бросил он стражникам.

Солдаты убрали клинки. Маркиз принялся медленно прохаживаться по заброшенному садику. Цветы хайтана давно облетели, широкие листья банановых пальм пожухли от холода, и лишь заросли бамбука у стены чернели во мраке, навевая тоску и уныние.

Он толкнул дверь и вошёл в личные покои Лин Шу. Обстановка здесь была строгой, почти аскетичной, но каждая вещь — от тончайшего фарфора до шелковых ширм — свидетельствовала о роскоши. Ян Тао действительно берёт своего любимца. Берёт настолько, что обрёт на добровольное заточение в стенах Верховного суда (Далисы) на долгие годы, скрывая от чужих глаз.

У западной стены высился массивный письменный стол. На нём сиротливо лежали несколько судебных свитков; один из них так и остался раскрытым, словно хозяин отлучился лишь на мгновение и вот-вот должен был вернуться.

Ян Е коснулся ладонью холодного дерева и замер, погрузившись в тяжёлые думы. Время шло. Братья Дун, оставшиеся во дворе, уже начали шептаться, не сморило ли гостя сном, как вдруг дверь распахнулась. Ян Е шагнул на порог и вперил взгляд в Дун Гэ:

— Слушай меня внимательно. Прошлой весной твоему господину прислали в подарок сухой комель белой сливы. Ведь это ты его принял? Где он сейчас?

Палач на мгновение задумался, сиюсь вспомнить детали:

— Да, маркиз, припоминаю такое. Посылку принёс разносчик зелени, Четвёртый брат Чжан. Сказал, что просил передать какой-то старый приятель из Чанъяня. Кем был тот человек, я не знал, поэтому просто отдал комель господину Лину. Он тогда не проронил ни слова. Лишь долго глядел на сухие корни, а потом велел посадить сливу за задним окном своей спальни. Она и сейчас там растёт, ухаживаем за ней...

Лицо Ян Е потемнело. Он до крови закусил губу, сдерживая рвущийся из груди вздох.

— Веди меня туда, — глухо приказал он.

Палач молча провёл его в обход главного строения. Отперев незаметную калитку за боковым флигелем, они оказались в крошечном, скрытом от посторонних глаз внутреннем дворике.

Там, прямо под окном спальни, росло раскидистое сливовое деревце. Из-за осенних заморозков оно растеряло почти всю листву, но сухие ветви были усыпаны мириадами крошечных, похожих на рисовые зёрна почек. Дерево прижилось и набралось сил.

Ян Е замер, не в силах отвести взгляд. Протянув дрожащую руку, он коснулся сухих, смоченных холодной ночной росой листьев.

«Значит, ты сохранил её...»

Мысли путались, отдавая в груди тупой болью.

«Сохранил... Зачем же тогда лгал мне при встрече? Неужели тебе... действительно было весело смотреть, как я схожу с ума?»

<http://bllate.org/book/19546/1998844>